

A movie poster for 'The Secret Life of Pets 2'. The central figure is Iris, a woman with long, flowing red hair, wearing a white button-down shirt and a black skirt, falling through the air with a look of shock and fear. She is positioned above Snowball, a large, fluffy white dog with yellow eyes, who is looking up at her with a wide-eyed, excited expression. The background is a dark, rainy city street at night, illuminated by street lamps. Various signs and documents are floating around them, including a sign that says 'WELCOME TO THE UNDERBELLY' and 'POPULATION: WHO CARES', a sign for 'DEPARTMENT OF REDUNDANCIES DEPT. 7 1/2', and several forms with stamps like 'DENIED', 'IN REVIEW', and 'REQUEST FOR CLARIFICATION'.

Айрина Лис

**Бюро страха и
бытовых услуг**

Айрина Лис

Бюро страха и бытовых услуг

«Автор»

2026

Лис А.

Бюро страха и бытовых услуг / А. Лис — «Автор», 2026

Анна Соболева — бизнес-аналитик, который ненавидит свою работу, начальника и особенно офисный кофе. Однажды, поскользнувшись на лужице, она падает из окна десятого этажа. Но вместо асфальта Анна приземляется на гигантского говорящего ежа в Подбрюшьё — мире между жизнью и смертью, где бюрократия возведена в абсолют, а хаос считается движущей силой. Чтобы вернуться домой, Анне нужно аннулировать собственную запись в Главном Контракте Реальности. Для этого ей предстоит пройти через бюрократические квесты, переговоры с драконом-коллекционером, битву с бумажными червями и путешествие в Зазеркалье. По пути она обзаводится командой из скелета-танцора, гнома-игромана, трусливого клерка и бывшего инквизитора. Сможет ли бизнес-аналитик навести порядок в мире, где эффективность — преступление, а сама смерть требует заполнить формуляр? Или она поймёт, что настоящий дом — там, где тебя принимают даже с твоими таблицами Excel? Ироничное фэнтези о том, как найти себя в самом абсурдном из миров.

© Лис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: «Падение с девяти до нуля»	5
Глава 1: «Регистрация без очереди»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Бюро страха и бытовых услуг

Пролог: «Падение с девяти до нуля»

Кофе был отвратительным. Я знала это ещё до того, как сделала первый глоток — кофемашина в нашем офисе издавала такой звук, будто внутри неё медленно умирал мелкий грызун, и жидкость, которую она производила, имела цвет и консистенцию отработанного моторного масла. Но я всё равно налила себе полную кружку, потому что в моём организме уже не осталось ни одной молекулы кофеина, а до конца рабочего дня оставалось ещё три часа, четырнадцать минут и, судя по состоянию моего мозга, примерно семь миллионов отчётов по продажам.

Я работала бизнес-аналитиком в компании «Горизонт-Консалтинг» уже пять лет. Пять лет. Это звучало как приговор. Как будто я отбывала срок за преступление, которого не совершала, а может, и совершала, но уже не помнила, потому что каждый день был неотличим от предыдущего. В понедельник я сводила таблицы. Во вторник я презентовала сводки. В среду я переделывала таблицы, потому что начальник изменил критерии оценки. В четверг я объясняла коллегам, что таблицы больше не актуальны, потому что мы переходим на новую систему. В пятницу я пила кофе и мечтала о том, чтобы кто-нибудь — любой, хоть дворник, хоть уборщица, хоть случайно забредший в офис таксист — наконец сказал мне: «Анна Сергеевна, а давайте вы больше никогда не будете работать с таблицами?»

Никто не говорил. Вместо этого они приходили ко мне с новыми запросами. «Энни, сделай анализ рыночных трендов за второй квартал». «Энни, где отчёт по эффективности отдела продаж?» «Энни, почему в твоей презентации использован шрифт Times New Roman, а мы просили Arial, это же катастрофа, Энни, это конец света, Энни, как ты вообще дожила до тридцати двух лет?»

Я дожила. Я дожила до тридцать второго года своей жизни, и каждый день мечтала, что однажды я просто не приду на работу. Что я возьму и уеду куда-нибудь, где нет компьютеров, нет проекторов для презентаций и нет людей, которые произносят слово «синергия» так, будто оно имеет какой-то реальный смысл.

Но я не уезжала. Потому что квартира не оплатится сама. Потому что мама будет звонить и спрашивать, почему я не ищу мужчину своей мечты, будто я просто забыла его в другой комнате. Потому что у меня нет другого образования. Потому что я не знаю, что ещё умею делать, кроме как превращать цифры в красивые графики и убеждать начальство, что всё идёт по плану, даже когда всё горит синим пламенем.

И вот, стоя у кофемашины с кружкой отвратительного кофе, я смотрела на пол. Там, на светло-бежевом линолеуме, красовалось тёмное пятно. Кто-то пролил кофе сегодня утром. Я знала, кто. Это был Петрович из соседнего отдела — вечно сонный, вечно в розовой рубашке, которая смотрелась на нём как приглашение на несуществующую вечеринку. Он пролил кофе ровно в 9:47 утра. Я запомнила время, потому что в тот момент смотрела на часы и думала: «Через шесть часов я смогу пойти домой». И вот прошло пять часов, пятнадцать минут, и никто — никто! — не вытер пятно. Оно так и лежало, расплзаясь по линолеуму, как доказательство нашего коллективного безразличия к миру.

Я должна была обойти его. Это было бы разумно. Это было бы логично. Это сделал бы любой нормальный человек, несущий в руках кружку с горячим кофе и ноутбук, в котором хранились все отчёты за последние три месяца, включая тот самый презентационный файл, над которым я работала три ночи подряд и который назывался «Годовой_отчёт_финальная_версия_реально_финальная_теперь_точно_финальная.pptx».

Но я не обошла. Может быть, потому что у меня болела голова. Может быть, потому что я уже две недели спала по четыре часа в сутки, потому что начальник решил, что мы должны «выжать максимум из второго квартала», хотя до второго квартала оставалось ещё три дня. Может быть, потому что я смотрела на это пятно и видела в нём всю свою жизнь — скользкую, неприятную, оставленную кем-то другим и никем не убранную.

Я поскользнулась.

Это было одновременно быстро и бесконечно медленно. Сначала моя левая нога поехала вперёд, как будто линолеум превратился в каток. Я почувствовала, как теряю равновесие, и в тот же момент мой мозг выдал гениальную мысль: спасти ноутбук. Да, именно так. Мои ноги уже летели к потолку, моя спина уже предвкушала встречу с полом, кофе уже рисовал траекторию в воздухе, напоминая коричневый метеоритный дождь, а я думала о ноутбуке. Я вытянула руки вперёд, пытаюсь удержать его над головой, словно это был не серый корпоративный ноутбук с наклейками от предыдущих конференций, а мой собственный ребёнок.

Потом я поняла, что лечу не вниз. Я летела в сторону.

В сторону окна.

Окно было открыто. Кто-то — наверное, та же самая безответственная личность, что не вытерла кофе, — открыл его настежь, чтобы проветрить помещение после обеда. Это было десятое окно, десятый этаж, бизнес-центр «Горизонт» на улице Арбатской, и за окном была Москва. Москва в марте. Серая, мокрая, сосульчатая, где небо смешалось с землёй в едином сером коктейле.

Я не видела Москвы. Я видела только оконный проём, стремительно приближающийся ко мне, и свои руки, всё ещё держащие ноутбук над головой.

— Нет! — успела выкрикнуть я, хотя в этом крике было не столько отрицание смерти, сколько отрицание того факта, что я могу разбить технику.

А потом была тишина.

Нет, сначала был ветер. Ветер, который ворвался в мои лёгкие как ледяной кулак. Он выдул весь воздух из меня, и я не могла дышать. Я падала — я знала, что падаю, — но вместо того, чтобы видеть асфальт, я видела небо. Оно было серым. Оно было равнодушным. Оно не собиралось спасти меня.

Моё тело перевернулось в воздухе. Я смотрела вниз. Москва проносилась где-то далеко, слишком далеко, чтобы я успела её рассмотреть. Я видела только размытые пятна — серые дома, чёрные деревья, красные крыши машин. И асфальт. Асфальт, который становился всё ближе и ближе.

Я успела подумать о том, что это был глупый способ умереть. Поскользнуться на кофе. Упасть из окна. Это не героическая смерть, не красивая смерть, даже не трагическая — это идиотская смерть, достойная какого-нибудь анекдота. «Умерла от скуки на работе». «Умерла, пытаюсь спасти корпоративный ноутбук». В моей голове пронеслась мысль о том, что будет написано в моём некрологе — и я даже не успела посмеяться над этим, потому что в следующий момент мир взорвался.

Он взорвался искрами.

Я ударилась — но не о землю. Я ударилась о что-то мягкое и шуршащее, что-то, что закружилось вокруг меня вихрем из белых и серых хлопьев. Это была бумага. Тысячи, десятки тысяч, может быть, миллионы бумажных листов. Они летали вокруг меня, как бешеные птицы, сверкая на свету своими краями. Я чувствовала, как они касаются моего лица, моих рук, моих волос, — они пахли чернилами и чем-то сладковатым, вроде старого клея.

Я не упала. Я провалилась.

Как будто асфальт подо мной исчез, превратившись в воронку из этой искрящейся бумажной массы. Она кружилась, затягивая меня вниз, вглубь, туда, где не было ни света, ни звука, только бесконечное шуршание страниц. Я пыталась ухватиться за что-нибудь — за край

стола, за ножку кресла, за что угодно, — но мои руки хватали только бумагу. Она рвалась. Она осыпалась.

Я закричала, но крик утонул в этом бумажном водовороте.

А потом — всё кончилось.

Я упала. На этот раз по-настоящему.

Я ударилась о мягкую поверхность с глухим звуком и покатила куда-то вниз, как мешок с картошкой. Мои руки разжались — ноутбук вылетел и, кажется, приземлился где-то рядом с неприятным хрустом. Я не могла видеть, потому что мои очки куда-то слетели, и мир вокруг превратился в размытое пятно.

— Ай, — сказала я.

Это было не то слово, которое я хотела сказать. Я хотела сказать что-то более выразительное, более сочное, что-то, что отражало бы весь ужас ситуации — слово с пятью-шестью буквами, которое обычно не говорят на собеседованиях. Но я сказала «ай», потому что мне было больно. И потому что я лежала непонятно где и не могла понять, жива я или нет.

— Ай-ай-ай, — раздался голос. Он был низким, рычащим и очень, очень недовольным. — Ты меня раздавила!

Я подняла голову. Или попыталась. Всё вокруг было каким-то тёплым, ворсистым и невероятно колючим. Я поняла, что лежу на чём-то, что напоминало огромный стог сена, но при этом дышало.

Я села, насколько смогла, и прищурилась. Мои очки были где-то рядом — я нащупала их рукой и надела. Мир стал резким, чётким и абсолютно безумным.

Это был стог сена. Только это был не сен. Это были сотни тысяч колючек — тонких, острых, торчащих во все стороны. И они росли на спине гигантского ёжика.

Ёжик был огромным. Размером с небольшой автомобиль. Он сидел — или стоял? — на четырёх лапах и тяжело дышал, и каждое его дыхание заставляло его колючки вибрировать, издавая противный дребезжащий звук. Его глаза горели красным огнём — два тлеющих угля в мохнатой морде, увенчанной влажным чёрным носом.

— Слезай! — прорычал ёж. — Немедленно! Ты меня раздавила своим телом! Ты хоть представляешь, как долго я добивался идеальной формы своих колючек? Я их укладывал всё утро!

Я не могла пошевелиться. Я смотрела на это существо, и мой мозг пытался найти логическое объяснение. «Я умерла, — думала я. — Упала из окна, разбилась, и теперь моё сознание порождает галлюцинации. Это предсмертное состояние. Через минуту я всё пойму».

Но ёж не исчезал. Он тряхнул своей массивной головой, и я чуть не упала с его спины.

— Документы! — рявкнул ёж. — Предъяви документ о перемещении!

— Что? — выдавила я.

— Документ! — повторил ёж, и его глаза загорелись ярче. — У тебя должен быть документ о перемещении! Как ты оказалась здесь без документа? Это нарушение! Тысяча лет бюрократических процедур! Тысяча!

Я попыталась спуститься, но мои ноги запутались в колючках. Одна из них вонзилась мне в лодыжку, и я взвизгнула.

— Больно!

— Ей больно, — фыркнул ёж. — Ей больно, а я тут лежу с тобой на спине, и у меня уже, наверное, сотрясение мозга! Мы все здесь страдаем, ты не одна такая!

— Ты — говорящий ёж, — сказала я, и это прозвучало как обвинение.

— А ты — девушка, которая свалилась на меня с неба, — парировал он. — Давай будем называть вещи своими именами! Но без документов я тебя не отпущу!

Я наконец отцепила свою лодыжку от колючки и сползла с его спины на землю. Земля была странной — серо-зелёной, сырой и мягкой, как губка. Вокруг меня клубился туман, но не

такой, какой я привыкла видеть в Москве. Этот туман был густым, почти осязаемым, он имел цвет старого мха и пах одновременно чернилами, жжёными тостами и ещё чем-то сладковатым, что вызывало у меня одновременно тошноту и голод.

— Документ, — повторил ёж, спускаясь с небольшого холма (который, как я поняла, он сам и представлял). — Если у тебя нет документа, ты — нелегальная. А нелегалов мы отправляем в Зону забвения.

— Я не знаю, что такое Зона забвения, — сказала я. — И я вообще не знаю, где я. Я упала из окна. С десятого этажа. Я должна была умереть!

— Ты умерла? — Ёж моргнул своими красными глазами. — О, тогда тем более нужен документ. Свидетельство о смерти, акт о прекращении физического существования, форма № 8/15 или хотя бы справка от доктора. Без этого ты официально считаешься существующей, и это создаёт проблемы с налогообложением.

Я смотрела на него, и моё лицо, наверное, выражало полное непонимание. Я не была в шоке — шок закончился где-то между падением с десятого этажа и приземлением на гигантского ёжика. Я была в каком-то другом состоянии. В состоянии, когда реальность распадается на куски, и ты пытаешься собрать их в единую картину, но у тебя получается только какая-то сюрреалистическая аппликация.

— Меня зовут Анна Соболева, — сказала я медленно. — Я работаю бизнес-аналитиком в компании «Горизонт-Консалтинг». Я живу в Москве. Я не знаю, как я здесь оказалась. Я упала с десятого этажа, и я не должна была выжить. Я, наверное, умерла. Но я не хочу умирать. Я хочу вернуться домой.

Ёж наклонил голову. Его колючки заскрежетали, как тысячи маленьких пилок.

— Бизнес-аналитик, — повторил он с явным презрением. — В мои времена это называлось «счетовод». Пфф. А сейчас аналитик. Красивое слово. Ничего не значит.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, и в моём голосе прозвучала обида. Профессиональная обида. «Счетовод»? Да я пять лет училась, чтобы стать бизнес-аналитиком! Я прошла три курса повышения квалификации! Я знаю, как правильно составлять SWOT-анализ!

— Я имею в виду, что вы все одинаковые, — сказал ёж. — Приходите сюда, размахиваете своими титулами, а документов у вас нет. Никто не заботится о бюрократии. А бюрократия — это основа мира! Без неё хаос! Я говорю вам, молодые люди, совсем перестали уважать процедуры!

Он подошёл ко мне ближе и ткнул меня носом в плечо. Я почувствовала, как его мокрый чёрный нос оставляет влажное пятно на моей блузке.

— Ай, — сказала я снова.

— Вот именно, — сказал ёж. — «Ай». Ты даже не знаешь, что сказать, когда тебя тыкают. Это показатель низкой культурной подготовки.

— Я впервые разговариваю с ёжиком! — выпалила я. — Прости, что я не изучила протокол общения с говорящими ежами! У нас, в Москве, таких предметов не преподают!

— В Москве, — хмыкнул ёж. — Ты думаешь, Москва — это центр вселенной? Наивная. Здесь, в Подбрюшьё, всё гораздо сложнее. Здесь есть свои правила. И первое правило — не падать на ежей с неба. Это неприлично.

Я сделала глубокий вдох и поняла, что дышу. У меня не переломан позвоночник, у меня не пробиты лёгкие, у меня нет ни одной серьёзной травмы — только царапины от колючек и, судя по всему, вывихнутая лодыжка. Я была жива.

Но я не понимала, где я.

Туман вокруг меня начинал рассеиваться, и я видела очертания странного города. Это были не привычные небоскрёбы и панельные дома. Это были кривые башни, обвитые плющом, с окнами, которые светились разными цветами — красным, синим, зелёным. Над ними летали

тени — я не могла разобрать, кто или что это было. Где-то вдалеке играла странная музыка, похожая на звуки шарманки, перемешанные с детским плачем.

Я повернулась к ёжику.

— Ладно, — сказала я, стараясь взять себя в руки. — Я признаю, что я не знаю, где я, и что у меня нет документов. Но ты можешь объяснить мне, что здесь происходит? Как мне вернуться домой? Мне на работу завтра, у меня презентация, я должна показать начальнику отчёт по продажам за второй квартал!

Ёж посмотрел на меня с выражением, которое я могла бы назвать усталым состраданием, если бы не была уверена, что у ежей нет эмоций.

— Второй квартал, — повторил он с иронией. — Ты думаешь, здесь кого-то волнует твой второй квартал?

— Меня волнует, — сказала я. — Меня волнует, потому что я не хочу потерять работу. А если я потеряю работу, я не смогу платить за квартиру. А если я не смогу платить за квартиру, я стану бездомной. А если я стану бездомной, я...

— Ты уже бездомная, — перебил меня ёж. — Ты в Подбрюшьё. Это не Москва. Здесь нет твоей квартиры, нет твоей работы, нет твоих отчётов. Есть только ты, твоя лодыжка, моя спина, которую ты раздавила, и отсутствие документов.

Я почувствовала, как к горлу подступает истерика. Я не хотела плакать. Я никогда не плакала на работе, никогда не плакала перед незнакомцами, никогда не показывала слабость. Я была «решателем проблем». Так меня называли коллеги. «Энни — наш решатель проблем». И когда возникала проблема, я её решала. Я находила данные, я анализировала, я предлагала решения. Я не плакала. Я не поддавалась панике. Я действовала.

Но сейчас я не могла действовать. Потому что я не понимала правил игры.

— Хорошо, — сказала я, и мой голос дрогнул. Я заставила себя выпрямиться, заставила себя расправить плечи. — Хорошо. Давай по порядку. Где я? Что это за место? И как мне получить этот чёртов документ?

Ёж фыркнул и ткнул носом в землю. Из его ноздрей вырвалось облачко пара.

— Ты находишься в Подбрюшьё, — сказал он. — Это место между мирами. Понимаешь, когда люди умирают, они попадают сюда. Но иногда, — он покосился на меня, — иногда они попадают сюда просто по ошибке. Сбой системы. Недостаток внимания к деталям. Ты, судя по всему, одна из этих ошибок.

— Я не умерла, — сказала я. — Я упала с десятого этажа, но я жива. Я дышу. Я говорю. Я...

— Технически ты жива, — согласился ёж. — Но по документам ты мёртва. И пока кто-то не аннулирует твою запись, ты будешь считаться мёртвой. А мертвецы не могут вернуться в мир живых. Это правило.

— И кто может аннулировать запись?

— Бюро переходов, — сказал ёж. — Идём. Я тебя отведу. Иначе ты заблудишься в тумане и попадёшь в лапы теневики. А теневики обожают нелегалов. Они делают из них лампы.

— Лампы? — переспросила я.

— Светятся в темноте. Очень популярный товар на нашем рынке. Кстати, если хочешь, можем продать твою голову — она светится особенно ярко.

Ёж издал звук, который должен был быть смехом, но напоминал скрежет по стеклу.

— Ты шутишь? — спросила я.

— В Подбрюшьё никто не шутит, — сказал ёж. — Мы слишком серьёзны для шуток. У нас закон, процедуры и инструкции. А шутки — это неподобающее поведение для граждан.

Я оглянулась по сторонам. Туман снова начал сгущаться, и я с трудом различала контуры домов вдали. Внезапно я заметила движение — кто-то шёл к нам через туман. Это была высо-

кая фигура, одетая в длинный плащ, и она двигалась неестественно плавно, как будто её ноги не касались земли.

— Это кто? — спросила я, указывая на фигуру.

Ёж повернул свою морду в ту сторону и вздохнул.

— О, — сказал он с явным раздражением. — Это Корнелий. Опять он.

Фигура приближалась, и я начинала различать детали. Это был скелет. Человеческий скелет, одетый в мятый сюртук, из-под которого виднелись белые кости. Под мышкой он держал папку с бумагами, а на его черепе сидел цилиндр, слегка сдвинутый на бок.

Скелет остановился перед нами и поклонился. Его кости издали тихий скрип.

— Добрый день, — сказал он, и его голос звучал как лёгкий шелест страниц. — Извините за беспокойство. Меня вызвали по поводу нелегального пересечения границы. Это вы?

Скелет повернул свой череп ко мне, и я увидела, что в его пустых глазницах мерцают два маленьких огонька.

— Я Анна Соболева, — сказала я. — Я упала сюда случайно. Я не знаю, как я здесь оказалась.

— Упали, — скелет что-то записал в своей папке. — Случайно. Ясно. Причина падения?

— Я поскользнулась на кофе, — сказала я, и это прозвучало так глупо, что я сама едва не засмеялась. — В офисе. На десятом этаже.

— На десятом, — повторил скелет, записывая. — Кофе. Это, знаете ли, распространённая причина. Хотя обычно люди просто падают и ломают шеи. А вы умудрились провалиться в Подбрюшьё. Редкий случай. Очень редкий.

Он открыл свою папку и начал перебирать бумаги. Я заметила, что его пальцы — тонкие костяшки — двигались с удивительной ловкостью.

— Так, — сказал он, прищурившись на одну из бумаг. — Анна Сергеевна Соболева. Дата рождения: 15 мая 1994 года. Место рождения: Москва, Россия. Род занятий: бизнес-аналитик. Так... Так...

Он поднёс бумагу к своим глазницам и что-то прочитал. Его лицо (если у скелета может быть лицо) изменилось — он выглядел озадаченным.

— Хм, — сказал он. — Интересно. Очень интересно.

— Что? — спросила я. — Что там?

Скелет поднял на меня свои светящиеся глаза.

— Это некролог, — сказал он. — Ваш некролог. Он был составлен сегодня утром, сразу после вашей... гм... кончины.

— Я не умерла! — воскликнула я.

— Ну, формально вы умерли, — сказал скелет. — По крайней мере, по документам. Но вот причина смерти указана... странная.

Он прочистил горло — хотя у него не было горла, это был просто звук, похожий на шуршание — и прочитал вслух:

— «Причина смерти: хроническая скука».

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Что?! — выкрикнула я. — Скука?! Я умерла от скуки?! Я умерла, потому что мне было скучно?!

— Именно так указано в документе, — сказал скелет, пожимая плечами. — Подписано и заверено печатью. Кончина от хронической скуки на рабочем месте. Это, кстати, четвёртый случай в этом месяце. Статистика растёт.

— Да какая скука! — я чувствовала, как внутри меня закипает ярость. Профессиональная обида смешивалась с абсурдом ситуации. — У меня было выгорание четвёртой степени! Я работала по шестьдесят часов в неделю! Я не спала ночами! Я не видела друзей месяцами! Я

превратилась в ходячую машину для обработки данных! Это не скука! Это профессиональное самоуничтожение!

Скелет посмотрел на меня с лёгким любопытством.

— Выгорание, говорите? — Он почесал свой череп. — Это мы записать не можем. В нашем классификаторе смертей выгорание не предусмотрено. Есть только «хроническая скука», «острая тоска» и «разрыв шаблона». Если вы хотите оспорить причину смерти, вам нужно заполнить формуляр № 3/14 и подать его в Бюро переходов. Но предупреждаю: это займёт не менее семи рабочих дней.

— Семь рабочих дней?! — закричала я. — У меня презентация завтра! Начальник меня убьёт! Вернее, он уже меня убил! Я же умерла!

— Формально, да, — сказал скелет. — Но вы всё ещё здесь. Вы — недовоплощённая. Это промежуточное состояние. Вы не живы, но и не мертвы. Вы находитесь в серой зоне. Буквально.

Ёж хмыкнул и лёг на землю, сложив лапы под собой.

— Корнелий, — сказал он с ленцой. — Не заставляй её ждать. Она раздавила меня, когда падала. У меня теперь, наверное, травма спины. Я хочу получить компенсацию. Ей нужно пройти регистрацию. Быстрее.

Скелет — Корнелий, как назвал его ёж, — вздохнул и сложил папку под мышкой.

— Хорошо, — сказал он. — Идём. Я отведу тебя в Бюро переходов. Там мы оформим твои документы, и я постараюсь найти способ, чтобы ты не оказалась в Зоне забвения.

— А что такое Зона забвения? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— Там, куда попадают те, кто не может определиться с существованием, — сказал Корнелий. — Вечная темнота. Бесконечное ожидание. И очень плохой интернет.

— Там нет интернета?

— Там ничего нет, — сказал он, и его голос стал серьёзным. — Поверь, ты не хочешь туда попасть.

Мы начали идти. Ёж остался позади — он сказал, что его спина болит и он будет подавать жалобу в местный суд, если я не вернусь и не извинюсь официально. Я махнула ему рукой, хотя внутри у меня всё сжималось от страха. Я потеряла всё. Я потеряла работу, я потеряла дом, я потеряла свою жизнь. А теперь я шла за скелетом в мятом скюртуке через туманное Подбрюшье, чтобы получить документы о своей собственной смерти.

Я шла и смотрела на Корнелия. Он двигался странно — его кости поскрипывали при каждом шаге, и я слышала, как он что-то бормочет себе под нос. Кажется, он пересчитывал свои позвонки.

— Слушай, — сказала я, стараясь завязать разговор, чтобы отвлечься от паники. — Ты давно работаешь в этом... ну, в Бюро переходов?

Корнелий обернулся ко мне и улыбнулся — хотя улыбка скелета выглядела зловеще.

— Двести тридцать семь лет, — сказал он. — До этого я был сборщиком податей в Средневековой Англии. Но там платили мало. А здесь — стабильность. Зато бумаг море.

— И тебе не надоело?

— Надоело? — Корнелий остановился и повернулся ко мне. — Дорогая моя, в Подбрюшье нет понятия «надоело». Есть понятие «инструкция». Если инструкция говорит тебе сидеть и заполнять формуляры, ты сидишь и заполняешь. А если тебе надоело — значит, ты заполняешь неправильно. Так что я никогда не заполняю неправильно. Я всегда следую инструкции.

— А если инструкция ошибочна?

Корнелий посмотрел на меня так, будто я спросила его, можно ли есть камни на завтрак.

— Инструкция не может быть ошибочной, — сказал он. — Она утверждена Верховным Бюрократом. А Верховный Бюрократ никогда не ошибается. Потому что если он ошибётся, то

ему придётся заполнять формуляр о признании ошибки, а это очень сложный процесс. Занимает около года.

Я сглотнула. Всё это было слишком странно, слишком непонятно. Мои очки запотели — здесь было влажно и прохладно, как в старом подвале. Я сняла их, протёрла и снова надела.

И в этот момент я заметила кое-что странное.

Когда я смотрела через очки, я видела линии. Тонкие, светящиеся линии, которые проходили через воздух, через землю, через стены домов. Они переплетались, создавая сложные узоры, похожие на паутину. Одна из них проходила прямо через Корнелия, и, когда я проследила взглядом, я увидела, что она тянется от него к далёкой башне на горизонте.

Я сняла очки. Линии исчезли. Я снова надела их — они появились.

— Что это? — спросила я, указывая на воздух. — Эти линии? Я их вижу, когда смотрю через очки.

Корнелий посмотрел на меня с удивлением.

— Ты видишь потоки? — спросил он. — Магические потоки? Странно. Обычно недо- воплощённые их не видят. Только те, кто связан с этим миром по рождению.

— Я родилась в Москве, — сказала я. — Я не имею никакого отношения к этому миру!

Корнелий нахмурился (насколько это возможно для скелета) и подошёл ко мне ближе.

— Это странно, — сказал он. — Очень странно. Но не будем отвлекаться. Нам нужно попасть в Бюро до того, как закроется регистрация. А у меня там ещё куча дел. Мы не можем стоять и обсуждать твои очки.

Мы продолжили путь. Я шла за Корнелием, и мой взгляд то и дело возвращался к линиям. Я видела, как они переливаются разными цветами — золотым, синим, зелёным. Одна из них, ярко-красная, тянулась прямо к небу, исчезая в тумане. Я хотела спросить у Корнелия, что это значит, но он был занят — он что-то записывал в свою папку, бормоча под нос цифры.

Глава 1: «Регистрация без очереди»

Туман в Подбрюшьё был живым.

Я поняла это не сразу, потому что мой мозг всё ещё пытался переварить факт беседы со скелетом в цилиндре и последующего путешествия через сырое, пахнущее чернилами ничто. Но когда мы с Корнелием — так, кажется, звали моего костлявого провожатого — остановились перед массивными дубовыми дверями, я ощутила это отчётливо. Туман не просто клубился у моих ног, не просто висел в воздухе тягучей серой ватой. Он дышал. Он прижимался к моей голени, обвивал лодыжку, как огромный, мокрый и невероятно вязкий кот, и, кажется, даже пытался заглянуть в карманы моей блузки.

— Прекрати, — шикнула я на него шёпотом.

Туман, разумеется, не прекратил. Он с лёгким, почти неуловимым «чмоком» отлепился от моей ноги, свернулся в маленький серый шарик и покатился куда-то в сторону, но я была уверена, что он ждал. Подслушивал. Сплетничал обо мне с другими клочьями тумана, которые вились вокруг фонарей с зеленоватым свечением, похожим на глаза больной кошки. Я поморщилась и сосредоточилась на дверях.

Массивные, тёмного дерева, они были покрыты резьбой, изображающей сцены, которых я предпочла бы никогда не видеть: фигуры в капюшонах стояли над распростёртыми телами, какие-то крылатые тени уносили вверх маленькие светящиеся точки, а в самом низу, у самого порога, была вырезана длинная-предлинная очередь. Очередь из призраков, скелетов и существ, которых я не могла идентифицировать, но которые выглядели крайне недовольными жизнью, которую они, по идее, уже давно не вели.

— Мы пришли, — объявил Корнелий и снял свой цилиндр, прижав его к грудной клетке, где, если верить анатомии, должно было находиться сердце. У него его не было, но жест выглядел торжественным. — Бюро переходов. Храм законности, цитадель порядка и... ой, — он запнулся, заглянув внутрь через маленькое окошко в двери, — ну вот. Опять.

— Что «опять»? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала. Моя лодыжка пульсировала болью, блузка была покрыта засохшей грязью и чьей-то зеленоватой слизью, а волосы, насколько я могла судить, стояли дыбом и, возможно, приобрели сероватый оттенок. Не тот пепельный блонд, который был в моде в прошлом сезоне, а тот, какой бывает у старых матрасов, найденных на помойке.

— Очередь, — скорбно вздохнул Корнелий и толкнул дверь.

Запах, который ударил мне в нос, можно было описать только как «бюрократический». Он был густым, пыльным и состоял из миллионов нюансов: здесь были и едкие чернила, и старая бумага с кисловатым привкусом, и воск для печатей, и, кажется, разлитая где-то в углу жидкая тоска. Это был запах, который вызывал у меня приступ острой профессиональной ностальгии. В моём офисе на Арбатской пахло точно так же, только для полноты картины не хватало кофейной гущи и чужого страха.

Я шагнула через порог и замерла.

Зал, в который я попала, был огромен. Настолько огромен, что его потолок терялся во тьме, а вместо колонн здесь стояли бесконечные стеллажи, уходящие вверх до самого неба. На них, громоздясь в невообразимом хаосе, лежали свитки, папки, фолианты в кожаных переплётках и просто кучи бумаг, перевязанных шпагатом. Бумаги здесь были повсюду. Они плавали в воздухе, как медузы, прикрепленные к невидимым нитям, они лежали на полу, образуя сугробы, они свисали с потолка гирляндами из бледных листов. Свет исходил от сотен светящихся шаров, плавающих под потолком, но они мерцали с разной интенсивностью, и когда один из них, ближайший ко мне, вдруг погас с тихим «бух», меня накрыла такая волна тьмы, что я на секунду забыла, где нахожусь.

— Не обращайтесь внимания, — тут же раздался скрипучий голос Корнелия. — Экономят энергию. Подали заявку на замену светлячков в прошлом веке, но до сих пор не утвердили бюджет.

Но моё внимание было приковано не к потолку, а к тому, что находилось в центре зала. Это была очередь. Очередь, которая, казалось, существовала здесь с момента основания мира. Она начиналась у массивного каменного стола, за которым сидело нечто, и уходила вдаль, извиваясь змеей и теряясь между стеллажами. Я попыталась сосчитать стоящих в ней, но сбилась после двенадцати. Там были прозрачные фигуры призраков, их глаза были пусты, а тела слегка флуоресцировали. Были скелеты в самых разных нарядах — от изодранных доспехов до оборванных сюртуков, похожих на тот, что был на Корнелии. Были высокие гуманоиды с головами, напоминающими рыб, и низкие коренастые существа с толстыми носами, которые походили на ожившие корни деревьев. И везде, абсолютно везде, в руках у них были бумаги. Они сжимали их в пальцах, прижимали к груди, держали в зубах. Бумаги были самым главным атрибутом, главным пропуском в эту новую, чужую, безумную реальность.

Я посмотрела на свои пустые руки и почувствовала острый укол тревоги. У меня не было бумаги.

— Корнелий, — прошептала я, дёргая его за локоть. Кость, которую я жала, оказалась на удивление тёплой и гладкой. — А где моя бумага? У меня нет бумаги.

— Молчите! — зашипел Корнелий, оглядываясь по сторонам. — Нас и так уже заподозрили! Стойте здесь и не отвечайте. Я пойду, поговорю с регистратором. Это мой старший... ну, скажем так, коллега. Он должник.

— Должник? В смысле, ты ему должен?

— Это он мне должен, — гордо поправил Корнелий. — Я когда-то подписал ему разрешение на... э-э... внеурочную деятельность. Короче, выручил. Сейчас я ему напомню. Стойте здесь, как статуя. И не трогайте ничего!

Корнелий исчез в лабиринте стеллажей, и я осталась одна. Наедине с гулом голосов, шорохом бумаг и тихим, монотонным, гипнотическим звуком шлёпающего по камню призрачного шага. Я стояла у двери, вжавшись спиной в холодное дерево, и пыталась не паниковать. «Ты бизнес-аналитик, Энни, — сказала я себе. — Ты умеешь структурировать информацию. Ты умеешь видеть системные сбои. Это просто новый проект. Сложный проект с... нестандартными стейкхолдерами».

Но «нестандартные стейкхолдеры» не помогали. Очередь двигалась. Чудовищно медленно. Я смотрела на регистратора за столом, и с каждой минутой во мне закипала профессиональная ярость.

Регистратор был духом. Во всяком случае, это был не совсем человек, а скорее сгусток серого света, похожий на облако, внутри которого едва угадывались очертания рук и лица. Он сидел за столом, заваленным стопками документов, и каждый раз, когда перед ним оказывался очередной посетитель, он начинал долгий, мучительный ритуал. Сначала он смотрел на бумаги посетителя. Потом он шарил рукой-облаком в куче бумаг слева от себя. Потом — в куче справа. Потом он вставал, уходил в соседнюю комнату (я видела дверной проём), возвращался, снова шарил в куче слева и, наконец, с торжествующим видом извлекал на свет большую, красную печать. Он совал её в чернильницу, которая, как мне показалось, была наполнена не чернилами, а жидкой тьмой, и ставил штамп на бумагу. Затем он выдыхал, и посетитель, получивший свою драгоценную печать, с поклоном удалялся, освобождая место следующему.

Я засекала время. От того момента, как к столу подошёл какой-то скелет в рваном плаще, до того, как тот скелет получил печать и отошёл, прошло ровно одиннадцать минут и двадцать три секунды. За это время регистратор умудрился пересмотреть свою левую кучу трижды, правую — дважды и сходить в соседнюю комнату один раз. Он действовал по принципу хаотичного поиска, основанного, по всей видимости, на интуиции и плохом зрении. Это было не про-

сто неэффективно. Это было преступно. Если бы я управляла таким отделом, я бы уволила его на месте и заменила на... да хотя бы на призрака с системой нумерации.

Я смотрела, как очередь двигается вперёд буквально на один шаг за пять минут, и внутри меня росло, закипало, переливалось через край знакомое чувство. Это было то же самое чувство, которое я испытывала каждый раз, когда видела чужую некомпетентность. Но там, в моей прошлой жизни, я должна была сдерживаться, улыбаться и говорить: «Да, конечно, мы переедем всё в Agial». Здесь же правил не было. Вернее, правила были, но они были до абсурда нелогичны.

— Сколько вас здесь? — внезапно спросил кто-то рядом со мной низким, журчащим голосом.

Я вздрогнула и обернулась. Рядом со мной стояла высокая фигура, закутанная в чёрный плащ. Лица я не видела — только два ярко-жёлтых глаза, горящих из-под капюшона. И в руках у этого существа была... бензопила. Только вместо цепи на ней были белые, остро заточенные листы бумаги.

— Что? — переспросила я, чувствуя, как к горлу подступает истерический смех.

— Я спросил, сколько вас здесь. В очереди, — терпеливо повторил обладатель бензопилы. — У меня встреча через час, а я ещё не получил разрешение на пронос оружия. Опасываю. Мне нужно знать, сколько там народа, чтобы оценить риски.

Я снова посмотрела на очередь. Она казалась бесконечной.

— Вы знаете, — сказала я, стараясь говорить спокойно и чётко, как на переговорах с особо нервными клиентами, — я вас понимаю. Я сама бизнес-аналитик. И я смотрю на этого регистратора, и у меня внутри всё горит.

— Горит? — заинтересовался собеседник. — Прямо так и горит?

— Да. Это неэффективность. Это потеря времени. Представьте, если бы он просто расSORTировал печати по алфавиту. Или по датам. Или по цвету. Он бы тратил не одиннадцать минут на человека, а минуту.

Существо с бензопилой задумалось. Его жёлтые глаза сузились.

— Алфавит, говорите? А что такое алфавит? Это когда буквы? — он почесал голову своей бумажной пилой, и я услышала характерный скрежет.

— Да, буквы, — подтвердила я, чувствуя, что разговор становится всё более сюрреалистичным. — А, Б, В, Г...

— А-а-а, — протянул он с пониманием. — Это как в песенке про «Ахиллеса и Броненосца»? Я знаю. Только там буквы другие. Там «З» и «Ж».

— Нет, там буквы русского алфавита, — начала я, но осеклась. Какая разница, какой алфавит? Главное — принцип!

Я снова посмотрела на регистратора. Он опять шарил в своей левой куче. Очередь не двигалась уже целую минуту. Где-то в её глубине началось возбуждённое перешёптывание, похожее на шум морского прибора.

— Слушайте, — сказала я, поворачиваясь к своему новому собеседнику. — Вы говорили, что у вас встреча? Вы хотите покончить с этим побыстрее?

— Хочу, — с тоской в голосе ответил он.

— Тогда делайте, как я скажу, — сказала я, и в этот момент я почувствовала странный прилив сил. Это было не мужество. Это была профессиональная злость. Такая злость, которая заставляла меня работать сверхурочно, чтобы доказать начальнику, что его идея — идиотская. Такая злость, которая однажды заставила меня встать в шесть утра и переписать всю презентацию заново, потому что кто-то неверно ввёл данные в таблицу. Я была машиной. Машиной, созданной для того, чтобы наводить порядок в хаосе.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как в груди разливается горячая волна. Затем я оттолкнулась от двери и решительно шагнула вперёд, лавируя между призраками и скелетами.

Я слышала позади себя удивлённый голос существа с бензопилой: «Эй! Куда вы? А как же буквы?», но не обернулась. Я прокладывала себе путь к столу, как ледокол во льдах. «Извините», — говорила я, проталкиваясь мимо одной прозрачной фигуры. «Простите, спешу», — бормотала я, уворачиваясь от чьей-то тянущейся костлявой руки. Кто-то возмущённо зашипел, кто-то попытался схватить меня за юбку, но я была слишком быстра.

Регистратор поднял на меня своё размытое серое лицо, когда я встала прямо перед его столом. Из глубины его сущности донеслось недовольное гудение, похожее на жужжание большого шмеля.

— Нарушение! — произнёс он, и голос его был похож на звук трущейся друг о друга бумаги. — Очередь! Занимайте очередь! У вас нет номера!

— У меня есть идея получше, — сказала я, опираясь руками о его стол. Бумаги под моими ладонями были тёплыми и слегка пульсировали, как живое существо. — Слушайте внимательно. Сколько времени вы тратите на поиск печати?

Регистратор замер. Его свет померк на секунду.

— Это... это конфиденциальная информация, — пробормотал он.

— Я вижу, — сказала я ледяным тоном. — Я видела, как вы искали печать для того скелета. Вы смотрели в левую папку, в правую папку, под стол, в соседнюю комнату. Это заняло у вас восемь минут и сорок секунд. За это время вы могли бы обслужить ещё четверых.

Регистратор засветился ярче, его очертания стали резче. Он явно обиделся.

— Вы не понимаете! — запищал он. — Это особая система! Она разработана лично Верховным Бюрократом!

— Я не говорю, что система плохая, — сказала я, переходя на спокойный, «продающий» тон. — Я говорю о том, что её можно оптимизировать. Посмотрите на эти печати. — Я указала на стопки на столе. — У вас есть печать «Утверждено», печать «Отклонено», печать «Отправлено на доработку», печать «Забвение», печать «Ждите». Если вы разложите их в алфавитном порядке, по первой букве названия, вы будете знать, где какая лежит.

— Алфавитный порядок? — переспросил регистратор, и в его голосе послышалась неуверенность.

— Да, это так просто. — Я взяла первую попавшуюся печать. На ней была выгравирована буква «Ж» и слово «Ждите». — Вот, смотрите. Вы кладёте её в папку «Ж». Рядом — папку «З» для «Забвение». «О» для «Отклонено». «У» для «Утверждено». Вы понимаете?

Регистратор моргнул. Его свет начал пульсировать быстрее. Вокруг нас собралась толпа — призраки, скелеты, летающие глаза, все они смотрели на меня с жадным любопытством. Очередь, которая, казалось, была незыблемой вечностью, замерла. Все ждали.

— Это... это ересь! — вдруг взвизгнул регистратор. Его облачная рука метнулась вперёд и указала на меня с угрозой. — Ты пытаешься упростить процедуру! Это против правил! Правила созданы для того, чтобы их усложнять! Для того, чтобы мы могли чувствовать себя занятыми! Кто ты такая, чтобы учить меня работать?!

Я почувствовала, как моя профессиональная злость перерастает в нечто большее. В жгучую, почти физическую обиду. Сколько лет я слушала это? «Энни, мы всегда так делали». «Энни, не усложняй». «Энни, ты не понимаешь, это особый случай». Нет, это не особый случай. Это идиотизм. Чистый, незамутнённый идиотизм, который я ненавидела больше всего на свете.

— Знаете что? — сказала я, переходя на крик. Мой голос эхом разнёсся по огромному залу. — Вы, господин регистратор, — главная причина того, что здесь всё разваливается! Вы не работаете. Вы имитируете работу! Вы сидите на этой бумажной куче и делаете вид, что без вас мир рухнет, а на самом деле вы просто не хотите брать на себя ответственность!

— Как ты смеешь! — завопил регистратор, и его облако стало темнеть, превращаясь в грозовую тучу. Он вскочил и замахнулся на меня папкой.

И в этот момент что-то щёлкнуло у меня в голове. Я больше не была бизнес-аналитиком. Я не была решателем проблем. Я была уставшей, злой, мокрой женщиной, которая потеряла всё, которую угораздило упасть с десятого этажа, приземлиться на ежа, выслушивать скелета и стоять в этой долбаной очереди в этом долбаном мире, где даже смерть обставлена неэффективно!

Я выхватила у регистратора стопку бумаг, которая лежала перед ним. Там было штук десять документов. Я скомкала их в один большой шар, подняла над головой и, не раздумывая, швырнула в стену.

Наступила тишина.

Но не та тишина, когда все замирают в шоке. Другая. Она была наполнена звоном. Высоким, чистым, похожим на звук разбившегося хрусталя. Бумажный шар, ударившись о стену, не просто упал на пол. Он взорвался. Сноп искр, похожий на тысячу маленьких фейерверков, рассыпался в воздухе, и каждый листок отделился от других и, кружась, полетел к столу.

Печати сами собой оторвались от своих стопок. Они парили в воздухе, как маленькие красные, синие, зелёные диски. И, подчиняясь невидимой силе, они стали приклеиваться к тем самым бумагам, которые я только что скомкала. Одна печать со словом «Утверждено» упала на первый лист, другая, «Отклонено», — на второй, третья, «Ждите», — на третий. Я смотрела на это с открытым ртом. Это была магия. Настоящая, нелогичная, красивая магия, которую я только что сотворила необъяснимым образом.

Я оглянулась. Очередь, которая ещё пару секунд назад была неподвижной монолитной скалой, начала таять на глазах. Призраки, державшие в руках бумаги, вдруг увидели, что на их документах уже стоят нужные печати. Они удивлённо переглядывались, пожимали плечами, но затем разворачивались и уходили. Очередь рассасывалась со скоростью света. Кто-то радостно засмеялся, кто-то захлопал в ладоши. Кто-то, судя по всему, скелет, даже попытался пуститься в пляс, но его остановил строгий взгляд соседа.

Я перевела дух и почувствовала странное, пьянящее чувство злорадства. Это сработало! Это было... великолепно. Я, Анна Соболева, бывший бизнес-аналитик московского офиса «Горизонт-Консалтинг», только что ускорила работу мистической бюрократической системы с помощью одной-единственной бумажной бомбы. Если бы мои коллеги увидели это сейчас! Если бы они знали, что моя одержимость оптимизацией процессов в итоге привела меня сюда!

Но чувство победы длилось недолго. Я повернулась к регистратору, который стоял, как громом поражённый. Его серый свет стал бледным, почти белым. Он смотрел на свой стол, где аккуратно, словно по волшебству, разложились документы.

— Ты... — прошептал он. — Ты... совершила акт нелегитимной магии! — Его голос дрожал. Он поднял на меня глаза, и я увидела в них настоящий, животный ужас. — Ты наложила на казённые бумаги заклинание без разрешения! Это государственное преступление! Это!

Договорить он не успел. Из глубины зала, из-за стеллажей, донёсся низкий, гулкий звук. Он был похож на удар огромного колокола, но очень далёкого, очень тяжёлого. Звук повторился. И ещё раз. Пол под моими ногами начал мелко вибрировать. Светящиеся шары под потолком замигали в унисон этой дрожи, то разгораясь, то почти угасая.

— О, нет, — выдохнул Корнелий, который только что вынырнул из-за стеллажа. Его череп был бледнее обычного, а челюсть отвисла. — Она идёт.

— Кто идёт? — спросила я, чувствуя, как внутри меня разливается ледяной страх, сменяющий недавнее злорадство.

— Инквизитор! — прошипел Корнелий, хватая меня за руку. Его костяные пальцы впились в мою кожу. — Ты что наделала?! Ты разнесла регистрацию! Ты уничтожила казённую бумагу! Это смертный приговор! Это вечное заточение в бумаге! Это!

— Что? Я просто хотела помочь! — закричала я, вырывая руку. — Я хотела сделать их работу эффективнее!

— В Подбрюшьё эффективность — это преступление! — рявкнул Корнелий, оглядываясь на дверной проём. — Эффективность убивает бюрократию! А бюрократия — это наша основа! Наша религия! Ты только что осквернила храм!

Дрожь стала сильнее. Я видела, как другие посетители Бюро начали разбегаться. Призраки просто исчезали, скелеты прыгали в стеллажи, а летающие глаза с писком уносились в потолок. Вокруг нас образовалась пустота.

— Она идёт, — повторил Корнелий, и я услышала в его голосе нечто похожее на молитву. — Только не говори, что я тебя знаю. Только не говори, что я тебя сюда привёл.

И тут стена напротив меня, та самая, в которую я швырнула бумажный шар, начала светиться. Камни пошли рябью, как поверхность воды, в которую бросили камень. Из этой ряби, плавно и угрожающе, начала выступать фигура.

Она была высокой, почти под два метра, закованной в блестящие чёрные доспехи, которые, казалось, были сделаны не из металла, а из застывшей тьмы. На груди доспехов горела алая эмблема — раскрытая книга с мечом вместо закладки. Шлема не было, и я видела её лицо — лицо женщины с острыми чертами, бледной, почти белой кожей и яркими, как два раскалённых угля, глазами. Её короткие тёмные волосы были зачесаны назад, а губы сжаты в тонкую линию, не предвещавшую ничего хорошего.

Одной рукой она опиралась на огромный, сверкающий меч, который, судя по всему, не был простым оружием. От него исходил такой же холодный свет, как от регистратора, только во много раз сильнее. В другой руке она держала пухлую папку. Канцелярская принадлежность в сочетании с мечом выглядела до жути.

Она сделала шаг вперёд, и пол под её ногами издал сдавленный стон. Светящиеся шары над ней разом погасли, и зал погрузился в полумрак, высвечиваемый только алым сиянием её эмблемы.

— Кто, — произнесла она низким, металлическим голосом, который проникал прямо в мозг, минуя уши, — посмел уничтожить казённую бумагу?

Я сделала шаг назад. И ещё один. Моя здоровая нога наступила на что-то мягкое, пушистое и очень-очень колючее. Раздался пронзительный, визгливый крик. Я подскочила на месте и обернулась. На полу, прямо у моих ног, сидел тот самый огромный ёж, с которого я свалилась при падении. Его красные глаза горели негодованием.

— Ай! — заорал он. — Мои иголки! Ты сломала мне иголки! Второй раз за день! Ты что, специально на меня наступаешь?!

— Я не специально! — закричала я в ответ. — Откуда ты здесь взялся?!

— Я следил за тобой! — гордо заявил ёж. — Я хочу получить компенсацию за моральный ущерб! Я всё это время шёл за тобой, чтобы подать на тебя заявление!

Инквизитор — женщина с мечом и папкой — перевела взгляд с меня на ежа, потом обратно. Её глаза вспыхнули ярче.

— Ты, — сказала она, указывая мечом на меня. — Ты ответишь за содеянное. А ты, — она перевела меч на ежа, — будешь свидетелем.

Ёж гордо вздёрнул нос.

— Я требую компенсацию! — повторил он, не обращая внимания на угрожающий вид инквизитора. — Она меня раздавила! Дважды! У меня теперь травма! Я хочу формуляр о возмещении ущерба!

— Молчать! — рявкнула инквизитор, и в зале стало тихо, как в могиле. — Сначала я разберусь с ней, потом с тобой.

Я стояла, вжавшись в стену, и смотрела на эту картину: огромная женщина с мечом, злой ёж, требующий компенсации, и перепуганный Корнелий, который пытался спрятаться за моей спиной, хотя был выше меня на голову. Мои очки запотели от ужаса, и я видела только расплывчатые силуэты.

«Энни, — сказала я себе, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Ты облажалась. Ты облажалась по-крупному. Ты думала, что ты в офисе? Думала, что можно просто навести порядок, как в таблицах? Здесь нет таблиц. Здесь только меч и бумага. И ёж. И ты».

Инквизитор сделала ещё один шаг ко мне. Я почувствовала, как её взгляд проникает в меня, изучает, оценивает.

— Ты нелегальная, — сказала она, и это было не вопросом, а утверждением. — У тебя нет документов. Я чую это. От тебя пахнет... неправильностью. — Она нахмурилась. — Ты пахнешь другим миром. Значит, ты недоовощённая. И к тому же преступница.

Она подняла меч.

— Я, Инквизитор Эрнест, приговариваю тебя к...

— Стойте! — закричал Корнелий, выскакивая из-за моей спины. — Она не виновата! Ну, почти не виновата! Это всё из-за неё, — он указал на регистратора, — у него печати неправильно разложены! Она просто хотела помочь!

— Помочь? — Эрнест подняла одну бровь. — Она хотела помочь? Помочь совету? Законом? Бюрократии?

— Да! — воскликнул Корнелий. — Она бизнес-аналитик! Она сказала, что это называется «оптимизация»!

— Оптимизация, — с отвращением повторила Эрнест. — Это слово должно быть запрещено указом. Оно разрушает основы нашего общества. — Она перевела взгляд на меня. — Ты слышишь, недоовощённая? В моём мире нет места для оптимизации. Здесь есть только закон. А ты нарушила закон.

— Я не знала, — выдавила я. — Я просто... я просто хотела, чтобы очередь двигалась быстрее.

— Очередь должна двигаться медленно, — наставительно сказала Эрнест. — Медленно, но неуклонно. Это успокаивает нервы. Это создаёт ощущение стабильности. Когда очередь движется медленно, граждане чувствуют себя защищёнными. Они знают, что ничего не изменится. А когда ты вмешиваешься, ты сеешь хаос. — Её глаза сузились. — Или, может быть, ты этого и хотела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.